

УДК 130.2 + 141.3

В.Н. Даренская

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ВРЕМЕНИ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье рассматривается специфика переживания и культурного освоения времени в традиционной культуре в двух ее вариантах: языческой и христианской. Показан ритуально-символический характер освоения времени в качестве символа вечности в этих культурах, а также различные сочетания в нем принципов цикличности и линейности. Сформулирован базовый смысл времени в этой культуре, который состоит в приобщении человека к архетипическим первоначалам бытия. Главной экзистенциальной ценностью опыта времени традиционной культуры для современного человека является умение соотносить случайность и текучесть жизненных событий с неизменным и устойчивым смыслом, укорененном в метафизических основаниях культуры.

Восприятие времени представляет собой существеннейший аспект картины мира, и разные культуры обладают собственным пониманием времени. Категория времени как части пространственно-временного континуума – одна из основных «осей координат» и в мире культур. В работах культурологов обычно рассматриваются две концепции времени, сменявшие одна другую: одна считается характерной для традиционной культуры, другая – для современной. Кроме того, типы времени обычно дихотомически разделяют на мирское и ритуальное; на объективное и субъективное; на циклическое и линейное; на абстрактное и содержательное; на естественно-научное и социальное. В настоящее время существует устоявшаяся традиция изучения специфики переживания и культурного освоения времени в традиционной культуре – языческой и христианской. Начиная с работ Б. Малиновского, Р. Отто и К. Леви-Стросса, рассматривавших структуры времени в традиционных культурах как функцию мифологических сюжетов, сложился особый аналитический подход, вскрывающий мифологические формы времени, выходящие за рамки его обыденного, привычного переживания. Однако теперь этот подход требует дальнейшего усложнения в направлении исследования мировоззренческих функций времени. В этом направлении уже работал целый ряд исследователей в последние десятилетия, в частности, М. Элиаде, Р. Итс, М.М. Бахтин, А.Ф. Лосев, В.Н. Топоров, Е.М. Мелетинский, А.Я. Гуревич [8]. Актуальность исследования специфики понимания и переживания времени в традиционных культурах как *мировоззренческого* феномена обусловлена *девальвацией опыта времени* в современной секулярной культуре. Восприятие времени в рамках техногенной цивилизации является хаотичным и малосодержательным: в нем соединяются, с одной стороны, простая линейность внешнего, «объективного» времени, заполненная потоком случайных событий, а с другой – столь же хаотическими «скачками» субъективного, «внутреннего» времени. В этом контексте феноменология (т.е. анализ смысловой структуры) времени, как оно переживалось и понималось людьми традиционных культур, может служить ценным источником экзистенциального опыта для современного человека.

В данной статье ставится цель проанализировать основные компоненты феноменологии времени в рамках традиционных культур с целью определения его мировоззренческого смысла – такого смысла, который сохраняет свою ценность и для современного человека как особый источник его культурного опыта, находящийся в глубокой традиции. Эта цель предполагает решение двух основных задач: рассмотрение эмпирических фактов переживания времени в традиционных культурах; анализ смысловых структур культурного освоения времени в этих культурах.

Первоначальное представление людей о времени связано с неизменным чередованием дня и ночи, сезонов, фаз жизнедеятельности организма (детство – молодость – зре-

лость – старость), а также со сменой поколений. Такое понимание отразилось в русском словообразовании: «время» – от «веремья» (коловращение, нечто, что вертится, вращается). Прошлое и будущее не были жестко отделены от настоящего. Давно умершие предки соучаствовали в жизни, с ними можно было «общаться» в обрядах. Вполне возможным считалось появление людей, во всем подобных своим предкам – «передаются родовые традиции, семейные святыни и могилы предков, родовые имена, а вместе с ними и качества этих предков» [9, с. 25]. В будущее можно было заглянуть в вещем сне или с помощью прорицателей.

Именно с ритуальными циклами было связано мифологическое время. Люди постоянно воспроизводили и повторяли поступки, совершенные в мифологическом прошлом культурным героем, предком. В системе представлений традиционной культуры существенным условием, от которого зависел успех в работе, считался правильный выбор ее начала, связанный не столько с прагматическим, сколько с символическим аспектом, реализующим универсальную идею «начала». Существует ритуально маркированное время как один из способов воспроизводства модели мира в его кризисные моменты. В пространстве этой культуры оно структурировано в параметрах абсолютного и относительного времени. Абсолютное время состоит из трех вертикальных «срезов»: 1) первоначальное, прошлое – время творения; 2) настоящее, в котором находится носитель модели мира; 3) будущее, к которому отнесен конец света и начало творения следующего мира. Относительное время тем самым оказывается неким актуальным «посредником» между этими «срезами», каждый раз являя их взаимодействие в конкретных событиях жизни. Таким образом, традиционная культура «оперирует нелинейными параметрами времени... Сама история воспринималась как вторичное воспроизводство социально-экологического архетипа (собирающегося и распадающегося семейного единства в облике сакрализованного родового тела, только в более крупных, нежели годовой цикл, временных масштабах) и социальности как всеединства в образе священного царства, вмещающего народы» [4, с. 95]. Это отражено в древнегреческом языке, в котором слово *οπισθεν* одновременно означает и «позади», и «в будущем». В отличие от нас греки видели прошлое перед собой, а будущее считалось позади. Греки «воспринимали себя неподвижными, а время как бы надвигалось на них сзади и уходило в прошлое, куда они были обращены лицом» [5, с. 6]. Этим определялся и особый психологический «фон» восприятия эпического времени. Как отмечал А.Ф. Лосев, «при всей этой эпической пестроте и непоследовательности у слушателя и читателя «Илиады» возникает неизменное чувство внутреннего спокойствия, уравновешенности и художественной удовлетворенности, объяснимые только тем, что перед нами все же остается прежнее мифологическое время, хотя и показанное с помощью изображения героических подвигов и окружающих всякого эпического героя бесконечного неустройства и обеспокоенности человеческого существования. Отсюда вытекает, что эпическое время есть все то же самое мифологическое время, но с показом всякого неустройства и пестроты жизни, без чего невозможны были бы и сами подвиги эпического героя. Эпическое утешение, эпическое спокойствие, эпическая бесстрастность являются прямым результатом именно этой всеобщей пестроты и дисгармоничности, покрываемых такой же бесстрастностью мифологического времени» [7, с. 44].

Еще при господстве циклической концепции времени постепенно складывался подход, определяющий временные отрезки продолжительнее одного цикла – линейная концепция времени («отмеренное» время). Счет циклов, особенно крупных, постепенно приводил к формированию линейного представления о времени. Время как бы выпрямлялось, его начинали представлять в виде длинной линии, пути. Вращающееся колесо как бы отпечатывалось в виде прямой колеи. Все события теперь располагались на этой линейной шкале времени, и любые промежутки между ними могли быть измерены. Так,

от падения Трои до первой Олимпиады «немногим более 400 лет» (и более точно: по Сосибиию – 345, по Эратосфену – 407, по Тимею – 417, по Эрету – 514) [5, с. 7]. Линейная концепция времени впервые четко выступает в Средневековье. В этой концепции (в отличие от циклической) время имело начало (Сотворение) и будет иметь конец (светопредставление, Второе пришествие Христа) и таким образом противопоставляется вечности. В такой концепции вечность находится по ту сторону обозримого линейного времени: утерянное счастливое прошлое и блаженное будущее (оба как бы вне времени) обладают большей ценностью, чем бренное настоящее. Мы и сейчас называем «временным» все непостоянное.

В финалистской концепции природные циклы как меры времени приобретают мистическую связь с событиями, падавшими на эти отрезки, и с самими числами. Эти отрезки замкнулись и стали как бы уменьшенными конечными моделями большого конечного времени. Поскольку в Европе привилась десятиричная система счисления, столетие и тысячелетие превратились в стандартные отрезки, и история стала распадаться на них. У Блаженного Августина будущее царство Небесного Иерусалима (после Второго пришествия Христа и Судного дня) рисовалось как тысячелетнее. Нынешнее царство земной юдоли и скорби тоже рассматривалось как тысячелетнее и отсчитывалось, разумеется, от Рождества Христова. Августин жил в V в., так что до Конца Света еще было время. Не наступивший по истечении тысячелетнего срока Конец Света стали откладывать до полутора тысяч лет. Лютер ожидал, что, хотя Конец Света рассчитан на 2000-й год, людские грехи навлекут Божий гнев раньше – ближе к 1500-му году. «Последний день уже у ворот, и я верю, что мир не просуществует и сотни лет», – писал он [5, с. 8]. Словом, от круглых дат ждали катастрофы, рубежа эпохи, конца жизни. Когда гуманист Флавио Бьондо в XV в. в труде «Три декады истории от падения Римской Империи» впервые выделил то, что позже будет названо средневековьем, он отвел этому периоду тоже ровно тысячу лет – до 1440 г.

В рамках христианской культуры общие принципы освоения времени в традиционных культурах приобрели особую спецификацию. Как писал М. Элиаде, «уже *по одному тому, что христианство есть религия*, оно должно было сохранить элементы мифологического поведения, сохранить по крайней мере литургическое время, то есть периодическое восстановление *illud tempus*, «истоков», «начала» [10, с. 160]. Принцип полагания *сакрального начала времени* – при том, однако, что это время теперь мыслилось как *новое* по отношению ко времени «ветхому», то есть до воплощения Сына Божия, – состоял в том, что «для христиан всех конфессий центром религиозной жизни является драма Иисуса Христа. Имевшая место как историческое событие, эта драма сделала возможным спасение. Следовательно, есть только один способ обрести спасение: ритуально воспроизвести, повторить эту драму, высший ее образец, каковым являете жизнь и учение Иисуса» [10, с. 160].

Именно здесь и происходит фундаментальная трансформация структуры сакрального времени. «Хотя, – отмечает М. Элиаде, – литургическое время является циклическим временем, христиане, как верные наследники иудаизма, признают тем не менее линейное время истории: мир был сотворен единожды, и у него будет один конец. Воплощение произошло в истории единожды, и Страшный суд тоже произойдет один раз» [10, с. 160]. Эта фундаментальная трансформация структуры сакрального времени позволяла тем не менее свободно использовать и «воцерковлять» практически любую традиционную символику разных культур, связанную со смысловым освоением и сакральным переживанием времени. «Отцы Церкви «христианизировали» символы, ритуалы и мифы Азии и Средиземноморья, связав их со «священной историей», которая, естественно выходила за рамки Ветхого Завета и включала теперь Новый Завет, послания апостолов, а позднее и жития святых. Какое-то число космических символов – вода, де-

рево, виноградная лоза, плуг, топор, корабль, колесница и т. д... – легко могли быть интегрированы в теорию и практику Церкви, приобретя сакральный или еклесиологический смысл» [10, с. 161]. Тем самым можно сказать, что в христианстве любое время по своей сущности является именно *литургическим* – не только время внутри литургии как главного богослужения, но и время Истории (поскольку центр мировой истории – Боговоплощение), и «внутреннее» время духовного самоопределения личности, центром которого является встреча со Христом, а его «двигателем» – путь души ко Христу.

Если в архаических обществах время воспринималось как циклическое, как «вечное возвращение», если в системе ценностей античных обществ наиболее значимым было прошлое, и они «двигались вперед с головой, повернутой назад», то христианство, опираясь на ветхозаветную концепцию времени, ориентированную на будущее, на ожидаемый приход мессии, вместе с тем радикально ее перестроило, придав времени новую специфическую структуру. Время линейно растянуто между началом – сотворением мира и финалом – Вторым пришествием и «исполнением времен», но оно уже прошло свою кульминацию – рождение Христа, его проповедь и крестную муку. Время ветхозаветное «представляет собой, согласно церковному учению, префигурацию времени новозаветного. Соответственно, история народов и монархий, равно как и жизнь каждого индивида, разворачивается в контексте всемирной истории спасения. Эпоха после Христа – завершающая эпоха истории; время «стареет» и близится к концу, люди живут в «последние времена». Но эта история «Града земного», реализующаяся во времени, протекает на фоне вечности, в которой пребывает «Град Божий», и соотносена с ней» [2, с. 96]. Ориентация на прошлое, на старину характерна и для средневекового сознания. Даже вводя новшества, люди этой эпохи зачастую были склонны осознавать их как восстановление уже бывшего прежде. Им вовсе не было чуждо стремление к изменению и обновлению, но эти новации «осмыслились ими в качестве реставрации, нахождения былого, возобновления того, что уже было проверено опытом и увековечено традицией» [2, с. 100].

Коренные установки Средневековья относительно времени определялись тем, что «были заданы рамки разворачивания времени – от сотворения мира в течение семи дней и вплоть до «конца времен», ожидаемого после второго пришествия Христа и Страшного суда» [2, с. 96]. Но эта фундаментальная особенность средневекового восприятия времени, по точному определению А.Я. Гуревича, «слияние библейского времени с временем собственной жизни», свидетельствующая об «антиисторизме» средневекового мышления (в нашем понимании историзма), вместе с тем яснее всего обнажает его принципиальную, неустранимую историчность. В самом деле, человек ощущает, осознает себя сразу в двух временных планах: в плане локальной преходящей жизни и в плане общеисторических, решающих для судеб мира событий – сотворения мира, рождества и страстей Христовых. *Быстротечная и ничтожная жизнь каждого человека проходит на фоне всемирно-исторической драмы, влетает в нее, получая от нее новый, высший и непреходящий смысл*» [3, с. 153–154].

Но этим же обстоятельством, как ни парадоксально, определяется и крайне высокая оценка именно *земного* времени, которую можно встретить у средневековых мыслителей: так, например, Бернар Клервоский говорил: «Нет ничего драгоценнее времени». Разумеется, этот мистик и теолог превозносил время в качестве срока, отпущенного человеку для спасения души. Изображения *смерти* в виде скелета, держащего в руке песочные часы, были глубоко символичны» [2, с. 100]. Время земной жизни *бесконечно ценно*, ибо оно есть время спасения, время, отпущенное для упражнения в вере и добродетелях, это время борьбы с грехами, покаяния и стяжания благодати Божией.

Именно поэтому, как писал Ж. Ле Гофф, «думали, что время – дар Божий – не может быть предметом торговли. Исходя из этого, осуждался ссудный процент» [6, с. 33]. (Отметим, правда, что ссудный процент осуждался и запрещался решением Вселенского

собора в первую очередь не поэтому, а потому, что получение денег по проценту, без вложенного труда, понималось как воровство). В свою очередь, новое представление о времени – времени как бескачественного исчисляемого промежутка, который можно заполнять чем угодно, – отмечает Ж. Ле Гофф, «формируется в середине XII в. также и в художественной литературе, в частности в куртуазном романе, где время составляет основу рассказа, включающего многочисленные эпизоды и неожиданные сюжетные повороты» [6, с. 33]. Такое время – уже результат секуляризации, выход за рамки сакрального понимания времени.

В связи с секуляризацией понимания времени возникают интересные трансформации смысла слов. В частности, слово «революция» (revolution) появляется во французском языке в конце XII в. и в средние века употребляется как астролого-астрономический термин, явно соотносимый с буквальным значением латинского «revolutio» (revolver) – «откатывание назад», «круговорот»... В таком смысле его использовал Коперник в названии своей работы «De revolutionibus orbium coelestium» («Об обращениях небесных сфер») [1, с. 62]. И когда слово revolution было использовано публицистами в эпоху Английской революции XVII столетия в качестве «астрономической» метафоры происходящих событий, то оно тоже обозначало именно попытку «возвращения» – во времена древней справедливости. Здесь явно еще вполне циклическое, «ритуальное» понимание исторического времени. Но вот уже в эпоху Французской революции конца XVIII столетия это значение полностью забыто, и отныне revolution – это только линейный, секулярный «прогресс».

Это новое, секулярное время «прогресса», время как бескачественный исчисляемый промежуток, который можно заполнять чем угодно, радикально отличается от времени традиционных культур, хотя оно и зародилось в их недрах. Как пишет В. Вжозек, способ построения повествования «history», родствен способу построения «story», «корни и того и другого по крайней мере в Ветхом Завете... Для него характерно, во-первых, ощущение времени, текущего из прошлого в будущее через настоящее, во-вторых, единственный подход к событиям, в-третьих, предположение причинных связей между соседствующими в рядах событиями» [1, с. 63]. Однако *такое* время, в силу своей содержательной случайности, не может удовлетворять высшие запросы человеческого духа, для которого в его *подлинном* времени всегда должна «просвечиваться» Вечность, присутствовать сакральное. Поэтому современная культура и современный человек, исчерпав пустоту секуляризации, ищет иной смысл времени в насущном для нас опыте традиционных культур.

Краткий анализ поставленной нами проблемы позволяет сделать следующие обобщающие выводы: 1) в традиционной культуре освоение времени имеет ритуально-символический характер, выполняя функцию приобщения человека к архетипическим первоначалам бытия; 2) диалектика цикличности и линейности в этом типе времени определяет его метафизический смысл; 3) экзистенциальной ценностью опыта времени традиционной культуры для современного человека является умение соотносить случайность и текучесть жизненных событий с неизменным и устойчивым смыслом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вжозек, В. Историография как игра метафор: судьбы «новой исторической науки» / В. Вжозек // Одиссей. Человек в истории. 1991. – М. : Наука, 1991. – С. 60–74.
2. Гуревич, А.Я. Время / А.Я. Гуревич // Словарь средневековой культуры / под ред. А.Я. Гуревича. – М. : РОССПЭН, 2007. – С. 96–100.
3. Гуревич, А.Я. Категории средневековой культуры / А.Я. Гуревич. – М. : Искусство, 1984. – 350 с.

4. Домников, С.Д. Феноменология идентичности русских: традиционное самосознание и пространство / С.Д. Домников // Проблемы российского самосознания / Ин-т философии; редкол. : М.Н. Громов [и др.]. – М. : ИФРАН, 2007. – 90–95.
5. Клейн, Л.С. Концепции времени в традиционной культуре / Л.С. Клейн // Время и календарь в традиционной культуре. – СПб. : Лань, 1999. – С. 3–11.
6. Ле Гофф, Ж. С небес на землю (Перемены в системе ценностных ориентаций на христианском Западе XII–XIII вв.) / Ж. Ле Гофф // Одиссей. Человек в Истории. 1991. – М. : Наука, 1991. – С. 25–47.
7. Лосев, А.Ф. Античная философия истории / А.Ф. Лосев. – М. : Наука, 1977. – 208 с.
8. Мелетинский, Е.М. Время мифическое / Е.М. Мелетинский // Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. – М. : Рос. Энцикл., 1997. – Т. 1. – С. 252–253.
9. Назаренко, Ю.А. Время в контексте славянской традиционной культуры / Ю.А. Назаренко // Время и календарь в традиционной культуре. – СПб. : Лань, 1999. – С. 25–30.
10. Элиаде, М. Аспекты мифа / М. Элиаде. – М. : Парадигма, 2005. – 224 с.

Darenska V. Phenomenology of Time in Traditional Culture

The author considers the problem of existential and worldview specifics of time experience in traditional culture. In the article the specific of experiencing and cultural mastering of time is examined in a traditional culture in two variants: pagan and christian. Sacral-symbolic character of mastering the time is interpreted as character of eternity in these cultures, and also different combinations of its principles of recurrence and linearity. The main sense of time is formulated in this culture, which consists of attaching of man to archetypical base of life.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 16.07.2013